

Упасные
ДОВОЛСТВИЯ

ИРИНА КОМАРОВА

ПОСЛЕДНИЙ ХИТ СЕЗОНА

Ирина Михайловна Комарова

Последний хит сезона

Серия «Опасные удовольствия»

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48580269

Последний хит сезона:

ISBN 978-5-227-08930-4

Аннотация

Рита Рощина – весьма привлекательная девушка – уже не новичок в детективном агентстве «Шиповник». На этот раз ей поручили дело об исчезновении Альбины Сторожевой. Журналистка пропала после того, как раскопала компромат на фирму «Хит сезона». Рита под видом корреспондентки проникает в подозрительную фирму, не догадываясь о том, в какое опасное предприятие она ввязалась и как сильно придется за нее поволноваться Витьке Кириллову, тому самому, который ей так не нравится, что она жить без него не может...

Ирина Комарова

Последний хит сезона

Серия «Опасные удовольствия»

© Комарова И. М., 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

* * *

Это утро в детективном агентстве «Шиповник» выдалось на редкость спокойным. Клиенты в дверь не ломались, и наш мудрый руководитель, Александр Сергеевич Баринов, закрылся у себя в кабинете с новым сборником sudoku. Мы начальству не докучали: у каждого нашлось чем заняться.

Я неторопливо дописывала отчет по делу, которое мы закончили только вчера. Ничего особенного, обычная «родственная» кража: внучка позаимствовала у любимой бабушки кое-что из фамильных украшений и, довольно неловко, попыталась свалить на домработницу.

Домработницу, разумеется, тут же уволили и пригрозили тюрьмой, если не вернет украденное. Женщина, которая была отнюдь не глупа и имела вполне обоснованные подозрения насчет того, куда утекло золотишко, обратилась к нам... В общем, это даже работой назвать нельзя: нужно было всего лишь выяснить все подробности у заинтересованных лиц, свести их в единую таблицу и указать на явные нестыковки. А после этого, в присутствии все тех же заинтересованных лиц, задать несколько вопросов внучке.

Благородное негодование, которым сначала пылала барышня, сменилось нервными и агрессивными выпадами, а закончилось все бурными рыданиями и попытками объяснить свои поступки. Объяснения, на мой взгляд, были довольно нелепыми: дескать, бабушка в завещании эти украшения ей, внучке, и предназначила, так что она, можно сказать, брала свое... или почти свое. Не знаю, не знаю. Если уж девице так не терпелось пофорсить в бабушкиных колечках, могла бы и попросить. А тащить их из шкатулки потихоньку – это, как ни смотри, кража, деяние, предусмотренное Уголовным кодексом. И уж совсем нет оправданий попытке подставить невинного человека.

Домработнице все равно пришлось уйти – хозяевам, после всех скандальных обвинений, неловко было оставлять женщину у себя и то, что они извинились, а она эти извинения приняла, дела не меняло. Но, по крайней мере, домработница ушла с высоко поднятой головой, с разумной компенсацией «морального ущерба» и с рекомендациями, в которых были использованы исключительно превосходные степени.

В общем, дело, как я уже сказала, рядовое. Из тех, по которым полный отчет написать – больше времени займет. Тем более если писать не торопясь и отвлекаться, как я сейчас, на посторонние разговоры.

Точнее, посторонние разговоры вела Ниночка, наша секретарь-референт. Обычно она загружена работой: кроме исполнения чисто секретарских обязанностей, на ней поиск всей необходимой информации по делам, которые мы ведем, база данных, не уступающая по своей полноте базе областного управления, а еще бухгалтерия, а еще отдел кадров... Но сегодня Ниночка, распечатав ежедневную сводку криминальных новостей, решила провести немного времени в кабинете оперативных работников, то есть в нашем с Гошей. Она устроилась на подоконнике и, болтая ногами, делилась последними новостями.

Я слушала краем уха и в основном помалкивала, а беседу с Ниной поддерживал Гошка – старший оперативник Георгий Александрович Брынь, мой напарник и наставник. Впрочем, основное его внимание было сосредоточено на каталоге Пе-

кинской международной автомобильной выставки.

– Он пока не клиент, конечно, – рассказывала Ниночка, – а возможно, клиентом и не станет. Станный тип. Видала я неуверенных мужиков, но этот просто бьет все рекорды! Я даже шефу про него докладывать не стала: фамилию не называет, что ему нужно – не говорит и вообще никак не может решить, нужны мы ему или нет. Вчера позвонил, полчаса мычал, мялся, жался но все-таки решился. Пообещал приехать и поведать нам о своих печалях. Договорились на сегодня, на утро. Нет, перезвонил, отказался. То ли боится чего, то ли денег жалеет.

– Денег жалеет? – Гошка потер пальцем фотографию вишневого джипа, убирая с глянцевого бумажки еле заметное пятнышко. – Это нехорошо.

– Ты его еще не видел, а уже знаешь, что он – очень неприятный человек? – пошутила я.

Гоша шутку не принял.

– Раз он пытается сэкономить на решении своих проблем, то, прежде всего, он глупый человек. А иметь дело с дураками – это всегда неприятно.

– С дураками неприятно, а с умными сложно. – Нина засмеялась. Ее хорошее настроение даже бестолковый «не клиент» испортить не смог. – Нет в жизни счастья! Кстати, Витка Кириллов звонил. Он в городе, обещал зайти.

Я слепо уставилась на монитор, продолжая машинально стучать по клавишам. Кириллов обещал зайти. Он в горо-

де... значит, что, был и не в городе? Уезжал куда-то? Сколько мы не виделись? Месяца четыре? Интересно, он хоть раз за это время обо мне вспомнил? Впрочем, нет, совершенно неинтересно. И сам Кириллов мне не интересен, он мне никогда не нравился, и я про него точно не вспоминала, и не думала, и сейчас думать не собираюсь...

– Кириллов, это «кстати, о дураках» или «кстати, об умных»? – коротко хохотнул Гоша.

– Не о дураках, конечно. – Нина на секунду задумалась и даже болтать ногами перестала. – Но если по справедливости, то и не об умных. Наверное, «кстати, о счастье».

– Где Витька и где счастье? – Напарник перевернул страницу и уставился на шикарный кабриолет нелепого розового цвета. – Кириллов и счастье – две вещи несовместные.

– Об этом я не подумала. Но ты прав, – ноги Ниночки снова пришли в движение, – Витька для счастья не создан. Я имею в виду простое счастье, житейское.

Делать вид, будто я заинтересована отчетом больше, чем разговором про Витю Кириллова, было глупо. Я откинулась на спинку стула и спросила, как смогла нейтрально:

– А что ты считаешь простым счастьем?

– Для мужика? Элементарный набор. Работа, хорошо оплачиваемая и не нервная, девушка симпатичная, с перспективами дальнейшей совместной жизни, отпуск в Египте, а по выходным – рыбалка с приятелями или преферанс.

– Счастье младшего банковского клерка, – подсказал Го-

ша.

– Ага, точно. Можешь себе представить Витьку младшим банковским клерком?

– И старшим не могу. Он на такой работе не выдержит. Через неделю, максимум через две или сам взорвется, или весь банк на уши поставит.

– Точно. А что касается отпуска в Египте...

– В Египте он был, ему там не понравилось, – многозначительно заметил Гоша.

– Я же не конкретно о Египте, – отмахнулась Нина. – Египет – это непринципиально. Есть еще Турция...

– И в Турции он был. Помнишь, лет пять назад? Там ему еще больше не понравилось.

– Помню. Но назвать ту его поездку отпуском тоже нельзя. Одним словом, Кириллов не любитель отдыха на заграничных курортах. А насчет рыбалки и преферанса я не знаю. Ты не в курсе, что он делает в свободное время?

– Насколько я знаю, спит.

– А когда выспится?

– Когда выспится, идет на службу.

– Дивно! Вот оно все Витькино счастье и есть: поспал и на службу. Обзавидоваться можно.

Я тоже хотела что-нибудь сказать, но никаких умных мыслей по поводу предполагаемого счастья Витьки Кириллова в голову не приходило. А Ниночка продолжала рассуждать:

– Впрочем, для мужиков определенного типа такое отно-

шение к жизни очень характерно. Взять хоть бы тебя...

– А что я? – Кабриолет на Гошку впечатления не произвел, и напарник снова вернулся к странице с джипом. – Я, в отличие от Витьки, человек высокоинтеллектуальный, я даже газету каждую неделю покупаю.

– «Московский комсомолец»?

– «Телесемь». Матушка моя считает, что там самая удобная телевизионная программа. И сплетни всякие в ассортименте.

– Так это ты для мамы покупаешь, а не для себя!

– Ну и что? Факт покупки имеет место, а все остальные рассуждения – это уже лирика! И вообще, у меня, кроме работы и сна, множество других интересов, самых разнообразных. Девушки, например...

– Ха! Можно подумать, у Витьки с девушками проблемы.

– Я же не про этих девушек говорю! Я про любовь. Ты слышала когда-нибудь про такое большое и светлое чувство?

– Ах, ты об этом. Это верно, от любви Витька шарахается. Да что любовь, чуть только интересом каким серьезным запахнет, он сразу фьють – и испаряется. Помнишь, была такая беленькая, из фотолаборатории...

В приемной зазвонил телефон. Нина тут же спрыгнула с подоконника и выбежала. Надо же, как не вовремя! И на самом интересном месте! Но Кириллов-то, каков змей! В мою сторону он, значит, даже смотреть не хочет, лишний раз к нам в офис не зайдет, чтобы повидаться, а у самого какая-то

беленькая девица, из фотолаборатории! Ладно, Витька, подожди, я тебе все припомню... Хотя что это я? Нина же ясно сказала, что с этой беленькой и не было ничего, а если что и было, то давным-давно.

И вообще, Витькина личная жизнь меня не касается и совершенно не интересует! Я занята, мне нужно работать, отчет нужно писать... а как его писать, если мне все настроение сбили! Сначала Ниночка своими разговорами, потом этот звонок... и теперь я никогда не узнаю, что там у Кириллова было с этой белобрысой!

– Ребята, у нас клиент! – Сияющая Ниночка вернулась к нам. – Сейчас явится.

– Тот, про которого ты говорила? – скривился Гоша. – Глупый?

– Другой. Этот тебе понравится. У него суперсрочное, суперважное дело, и он сразу предупредил, что стоимость наших услуг его не волнует! Господин Солодцев – серьезный бизнесмен, поэтому отвлекаться на пустяки он не считает нужным. Его интересует исключительно результат.

– Милейший человек, – согласился Гоша. – А он действительно серьезный бизнесмен?

– Подробно я еще не смотрела, но на Солодцева Алексея Игоревича зарегистрирована фирма «Жикле».

– Автомобильными деталями торгует?

– Нет, это что-то связанное с искусством. С живописью. Я заглянула в базу налоговой и скажу тебе, Гошка, что сум-

мы, которые отчисляет эта самая «Жикле», выглядят вполне убедительно.

– Милейший человек! – радостно повторил напарник. – Правда, Ритка?

– Угу, – буркнула я. А что я могла сказать? Что этот господин Солодцев идиот? Не мог на десять минут позже позвонить!

– Пойду шефу доложу. – Нина повернулась к двери. – Вы со мной?

– Конечно. – Гошка вскочил. – Про такого клиента не грех и еще раз послушать. Рита, а ты?

– Я пока отчетом позанимаюсь. Надоело уже, хочется побыстрее закончить.

Они вышли, а я снова уставилась на экран компьютера. Мама моя, что я тут понаписала? Что за бред? Это мы быстренько сотрем, пока никто не видел, и это тоже... а здесь все хорошо, это пусть остается. Выбрасываем из головы Витьку и всех его пассий, бывших и будущих, и сосредотачиваемся на отчете.

Мне действительно удалось отвлечься от всех посторонних мыслей, и я бодро застучала по клавишам. В приемной слышались голоса, но я настолько увлеклась, что не обратила на них внимания. И даже когда в кабинет заглянула Нина, я не сразу поняла, что ей нужно.

– Рита, к Сан Сергеичу, быстро! Гоша уже там.

– А что случилось?

– Клиент пришел.

– Милейший человек? – уточнила я. – Солодцев?

– Он самый. И желает, чтобы мы немедленно занялись его проблемами.

– Желания клиентов надо выполнять. – Я остановилась на полуслове и заторопилась к шефу.

Алексей Игоревич Солодцев вольготно расположился в «клиентском» кресле. Крупный мужчина лет сорока, с громким голосом и широкими, размашистыми жестами, он больше походил на штангиста-тяжеловеса, чем на бизнесмена. На очень раздраженного штангиста-тяжеловеса.

– Это все Надька, жена моя бывшая! Достала, блин, просто сил никаких нет! Ограбить меня хочет, зараза!

– Простите, просто для справки, – вежливо перебил его шеф. – Давно вы с супругой развелись?

– Ну, это я так говорю, бывшая, – уточнил Солодцев. – Официально мы еще не развелись, почти год эта бодяга тянется. С Надькой же невозможно договориться, она как бульдозер прет! Хотя нет, бульдозер от себя гребет, а Надька, она только к себе! Прикинь, я ее, семь лет назад, нищую взял, в одном платъице! Семейка у нее, фу-ты ну-ты, благородные: денег ни шиша, а фанаберии – как у графьев каких! Нет, конечно, там связи были, с нужными людьми, и бизнес мне родственнички поднять помогли, это я не спорю. У некоторых людей интересно мозги устроены: связи есть, а пользоваться ими не умеют! А я сразу – кредиты, заказы выгод-

ные, пару тендеров с их помощью удалось выиграть... только я тоже в долгу не оставался: с кредита – тестю машину, с заказа – теще браслетик. У тещи, пока Надька за меня не вышла, всех украшений – нитка жемчуга была, тесть на серебряную свадьбу подарил. А сейчас у нее шкатулка не закрывается! Квартиру им помог поменять. Не поверите, они в Комсомольском поселке жили, до центра целый час на автобусе пилить! А сейчас у них, прикинь, трехкомнатная, на набережной, в сталинском доме – там одни потолки три метра! Евроремонт сделали, тоже на мои деньги. Я ведь не жлоб какой, я к родне и с пониманием, и с уважением, это у Надьки совести нет совсем! Адвоката какого-то нашла, чокнутого, он законы так выворачивает, что я ей половину всего нажитого должен, да еще проценты за помощь, да алименты! Какие проценты, какая помощь? Это я работал, я пахал, как вол, а Надька только у массажисток вылеживалась да с подружками по телефону болтала! Вы знаете, сколько я за ее сотовый платил? Точнее, за два, мне пришлось второй телефон ей купить, чтобы связь иметь. До нее же просто невозможно было дозвониться, прикинь, она непрерывно болтает, просто непрерывно! Я второй телефон купил и запретил этот номер подружкам давать. А теперь ей алименты! Фигу с маслом она у меня получит, а не алименты! Привыкла бездельничать, а вот пусть пойдет поработает! Тридцать лет – не тот возраст, чтобы пенсия получать, разве не так?

– Возраст вполне трудоспособный, – подтвердил Бари-

нов. – Но по Семейному кодексу при разводе супруга имеет право на половину совместно нажитого имущества. Семь лет – срок достаточно большой, а учитывая интересы детей...

– Какие дети! Нет у нас детей, да и не собирался я пока. Чего нищету плодить? Сначала на ноги встать, бизнес укрепить, ну и для жизни там всякое... В смысле, дом поставить хороший, денегат подкопить, чтобы потом ребенку в пустяках не отказывать. А то приятель у меня, обещал пацану, что на день рождения свозит его во Францию, в Диснейленд, а у самого денег не хватило. Разве это дело? И потом, деньги не только на подарки нужны: няньки-гувернантки всякие, тоже недешево стоят, да и про учебу тоже заранее думать надо. Можно, конечно, во Францию ребенка отправить, Сорбонна дешевле, но Англия как-то престижнее, прикинь? В общем, не торопился я с ребенком, а оказалось, что это только к лучшему. У меня, знаете, интуиция хорошая, я очень редко неверные решения принимаю.

– А как к такому решению ваша супруга отнеслась?

– Надька-то? Да она только рада была, ей дети вовсе не нужны. Сейчас, конечно, жалеет. Был бы ребенок, ободрала бы она меня, без всяких адвокатов, как липку. А так – фигурки! Одну квартиру и машину я ей оставил, а на алименты пусть даже не рассчитывает.

– Ваше право, – вежливо наклонил голову шеф. – Но я не совсем понимаю, что вы, собственно, от нас хотите?

– Разве я не объяснил? С Надькой же надо что-то делать.

Совсем она меня достала – житья не дает! Стекло в машине разбила, а вы прикиньте, сколько сейчас лобовуха для «лексуса» стоит? В квартиру забралась. Хорошо, что я много наличных дома не держу, только так, чтобы под рукой были, – счета там оплатить, на прочие мелкие расходы. Но все, что нашла, Надька подчистую выгребла. И золотишком не побрезговала: пара цепочек у меня там лежала, сейчас-то я их не ношу уже, с тех пор остались, когда это модно было, часы швейцарские, настоящие, еще ерунду всякую, вроде запонок.

– Квартирная кража? – откровенно удивился Гошка. – Вы уверены, что это именно ваша жена сделала?

– А кто же еще? Больше некому!

– Но как она в квартиру смогла попасть?

– Так я сам дурак, не сообразил сразу замки сменить. Сейчас-то, конечно, у нее ничего не выйдет. В общем, я хотел Надьку привлечь за воровство, так менты у меня заявление не взяли. Прикинь, говорят, что, пока мы не разведены, она имеет право в квартиру входить и вещами пользоваться! Или я должен начинать всякую мутотень насчет раздела имущества, описи составлять, у нотариуса заверять... Ну их на фиг, мне проще замки сменить. Ладно, говорю, тогда привлекайте ее за хулиганство! Лобовуху-то в «лексусе» она мне разбила? Вот пусть ответит! Опять не хотят! Говорят, надо было с поличным ее ловить, когда она машину корежила. А так доказательств нет. Я им говорю: какие вам нужны доказатель-

ства? Вы только на рожу ее довольную поглядите, все сразу ясно будет! Нет, подавай им свидетелей! Где я их возьму? Надька – она дура, конечно, но не до такой же степени, чтобы при свидетелях мне тачку уродовать. Нет, вы скажите, что у нас за законы такие? Баба внаглую занимается воровством и бандитизмом, а управы на нее никакой нет!

– Законодательство наше далеко от совершенства, – согласился Александр Сергеевич. – Но все-таки, чего вы от нас ожидаете? Чем мы, в вашей ситуации, можем помочь?

– Разве непонятно?! Улики против Надьки добыть, поймать ее с поличным! Если ментам так нужны свидетели, значит, вы ими и будете! Прикинь, я эту стерву знаю, она не успокоится, она еще какую-нибудь подлость надумает. А как возьмется за дело, тут вы ее и прихватите. Если мы Надьку посадить сумеем, она после развода вообще ничего не получит! Ну что, беретесь за дело? Вы не сомневайтесь, долго ждать не придется, Надька тихо сидеть не будет! А если у нас все получится, то я жадничать не стану – и по счетчику заплачу, сколько там натикает, и бонусы, и премиальные! Мне лишь бы от Надьки избавиться, а расходы меня не пугают!

Александр Сергеевич с Гошей переглянулись и дружно уставились на меня. Почему, интересно, они оба решили, что ответить клиенту должна именно я? Конечно, в пединституте нам читали курс психологии, да и потом, уже в школе, практика была обширнейшая – среди родителей такие оригинальные типы попадаются... но сейчас-то ситуация дру-

гая. Для того чтобы сказать Солодцеву: «Вам не нужны наши услуги. Найдите себе хорошего адвоката и разведитесь с женой цивилизованно!» – специальной подготовки не надо.

Я выразительно кашлянула, но старшие товарищи продолжали гипнотизировать меня совершенно одинаковыми взглядами. Понятно. Они хотят, чтобы я не просто отказала клиенту, коротко и четко, а подробно и аргументированно объяснила ему всю бессмысленность и бесперспективность подобного поведения. Значит, деваться некуда, сейчас мое выступление. Я снова кашлянула и обернулась к Алексею Игоревичу:

– Боюсь, что вы выбрали неверную стратегию. Мы, конечно, можем постараться проконтролировать действия вашей жены, и свидетелями быть, и в суде, при необходимости, выступить, но поверьте, что бы она ни придумала, вряд ли это потянет на большой срок. Даже если дело дойдет до суда, то наказание, вероятно, будет условным. Она ведь у вас уголовного прошлого не имеет, ранее к суду не привлекалась, так ведь?

– Ну, так, – неохотно согласился Солодцев. – А чего ей раньше хулиганить было? Ее все устраивало.

– Тем не менее. Адвокаты – а я думаю, она сумеет найти толковых адвокатов – распишут стрессовую ситуацию, в которой бедная женщина оказалась...

– Бедная она была раньше, пока я, дурак, на ней не женился! А сейчас – вполне себе обеспеченная мадам!

– Я не о материальной стороне говорю. Она ведь не хочет с вами разводиться, это ваша инициатива? Значит, автоматически: богатый бизнесмен бросает бедную женщину, которая беззаветно посвятила ему... сколько? Семь лет?

– Семь. Только не посвятила, она эти семь лет у меня из жизни вырвала!

– Это с вашей точки зрения. А судья вполне может принять сторону брошенной женщины. Учет законопослушное прошлое, состояние аффекта, тяжелую моральную травму... Поверьте, на серьезное наказание, тем более связанное с лишением свободы, вам не стоит рассчитывать.

Солодцев посмотрел на Гошу, потом на Барина, дождался от каждого подтверждающего кивка, потом поскреб в затылке и решительно заявил:

– Мало ли что там адвокат наболтает, кто их слушает, адвокатов? А вот если с судьей договориться... У вас подходящий судья есть? Такой, понимающий?

– Нет, – жестко ответил Александр Сергеевич и бросил на меня сердитый взгляд.

– Нет так нет. – Судья по всему, клиент не поверил шефу, но решил не настаивать. – Я просто к тому, что если судью грамотно простимулировать, то никаких условных не будет. Загребит Надька в колонию как миленькая.

– Даже если вы сумеете этого добиться, – я заговорила чуть строже, – даже если ее осудят, срок будет небольшим – полгода, год, не больше.

– Не, если хорошо постараться, то до двух запросто можно натянуть, – не согласился Солодцев.

– Хорошо, пусть будет два. А что дальше? Вернется ваша жена из колонии и возьмется за старое, только еще активнее.

– Вы так думаете? – Он снова задумчиво поскреб затылок.

– Это я вам как женщина говорю, – заверила я. – Вы потом всю жизнь будете оглядываться и ждать от нее очередной пакости.

– Не, так я тоже не хочу. – Солодцев откинулся на спинку кресла, несколько секунд, прищурившись, разглядывал потолок, потом спросил в пространство: – А может, пристрелить ее? Без затей, нанять киллера и... Прикинь, простое, но верное решение?

Признаюсь честно, я не нашлась что ответить. Он что, серьезно? Может, еще и адресок киллера рассчитывает у нас получить?

На помощь, как обычно, пришел напарник:

– Слишком кардинально. – Гоша заговорил деловито, словно убийство жены Солодцева было не тяжким преступлением, а всего лишь технической проблемой. – Такие, как вы выражаетесь, простые, но верные решения, как правило, быстро обрастают массой сложностей. Я вам, как профессионал, искренне не советую.

– Вообще-то, это была шутка. – Солодцев оскалил зубы в улыбке, от которой меня передернуло. – Ладно, сажать не надо, убивать не надо, это я понял. А что вы, как професси-

оналы, советуете?

– Мы могли бы побеседовать с вашей супругой, – предложил Баринов.

– В смысле, припугнуть? – уточнил клиент.

– Можно и припугнуть. Но лучше объяснить, что если она проявит некоторую гибкость и готовность к компромиссу, то ничего не потеряет, а выгоды для нее могут быть вполне ощутимыми.

– Думаете, мне стоит с Надькой поторговаться?

– Почему бы и нет? Вы хотите, чтобы она согласилась на ваши условия развода и перестала вам докучать. Поверьте, гораздо проще добиться этого, предложив вашей супруге разумные отступные.

– Ну... – Солодцев ненадолго задумался. – Лучше бы, конечно, сделать так, чтобы она ничего не получила. У меня деньги не лишние, а она все равно все за полгода спустит. По косметичкам разнесет да по телефону протреплется.

– Но если подумать о будущем?

– В будущем, конечно, – неохотно согласился он. – В будущем лишнего беспокойства не хочется. А кто беседовать будет? Вы?

– Нет. На такого рода беседах у нас специализируется Рита.

– Она? – Солодцев повернулся и смерил меня оценивающим взглядом. Я улыбнулась – точнее, слегка раздвинула губы и показала зубы. Очевидно, мой оскал получился не ху-

же того, что продемонстрировал сам Солодцев пару минут назад, потому что он дружелюбно хлопнул меня по плечу и спросил: – А ты можешь это гарантировать? Что Надька сейчас оставит меня в покое и, когда у нее деньги закончатся, не явится мне под окнами кошачьи концерты устраивать? Гарантируешь?

– Разумеется, нет, – не задумываясь, ответила я. – Полную гарантию дает только страховой полис. А я могу гарантировать, что приложу все усилия и что вероятность желательного для вас результата будет максимальной. Мне кажется, что этого достаточно.

Солодцев неожиданно громко расхохотался и снова хлопнул меня по плечу.

– Ясное дело, достаточно! Знаете, – он повернулся к Баринову и подмигнул ему, – если бы она сейчас начала мне втирать, что все будет тип-топ, я бы сразу встал и ушел. Не терплю, когда меня за лоха держат. Но раз вы со мной по-честному, то и я с вами тоже, можете не сомневаться.

– Очень приятно, – склонил голову шеф.

А я спросила:

– Когда вашу жену можно дома застать? Может, сегодня вечером к ней заглянуть?

– Только не вечером, по вечерам Надька дома не сидит. И днем тоже ее фиг поймаете. Дома она утром. Но имей в виду, утро у нее не раньше двенадцати начинается, она примерно в это время просыпается. Потом, пока кофе в постель,

пока утренний макияж, пока в тряпках пороется, выберет, что надеть, – раньше трех часов Надька из дому не выбирается. Светская львица, блин!

Я посмотрела на часы.

– То есть имеет смысл съездить к ней прямо сейчас, не откладывая?

– Это было бы здорово! Только вот еще что... – Алексей Игоревич не то чтобы смутился, но заговорил менее уверенно: – У меня на самом деле не только с женой проблемы. Есть еще пара телок... в смысле, я им ничего такого не обещал, они сами надумали. Прикинь, захомутать меня хотят. Вроде если я с женой развожусь, то на них жениться должен.

– Не понял. – По лицу шефа было видно, что он действительно не понимает. – Как это «на них жениться»? На двоих одновременно, что ли?

– Нет, конечно, не одновременно. По очереди. В смысле, не вместе... Каждая хочет, чтобы я на ней женился, неужели непонятно? Отдельно хочет, для себя!

– А ты не хочешь, – проявил необыкновенную проницательность Гоша.

– Ясно, не хочу. С чего вдруг? То есть они, конечно, обе бабенки ничего, подходящие, в смысле, ножки там и все такое. Но не жениться же из-за этого? Хватит уже глупостями заниматься. Слушай, братан, – он неожиданно резко повернулся к Гошке, – а может, ты их отвлечешь, а? Чтобы они хоть ненадолго от меня отстали, дух перевести. Строишься

ты круто. Приврешь немного, ну, что холостой, что денежка имеется...

– Нет, – не дослушав, отказался Гоша. – Со своими дамами ты, братан, сам разбирайся. Я в такие дела принципиально не ввязываюсь.

– Тогда, может, ты в офис ко мне заглянешь, поговоришь с ними? – Теперь Солод-цев умоляюще смотрел на меня. – Объяснишь им, что не прокатит, не буду я больше жениться, завязал.

– Я? – У меня желания влезать в разборки клиента с его любовницами было не больше, чем у Гошки. – А почему бы вам самому не объяснить им? Скажите четко и откровенно: не хочу!

– Да говорил уже, сто раз говорил! Только все без толку. Светка про любовь какую-то ахинею несет, а Наташка, та вообще... не слушают, одним словом. Или не понимают. Бабы, что с них возьмешь? Если вбили себе в голову какую дурь, гвоздем не выковыряешь!

– А почему с ними в вашем офисе нужно разговаривать? Вы что, вместе работаете?

– В том-то и дело! То есть не вместе, а они у меня работают, в офисе. Светка бухгалтер, а Наташка, наоборот, программист.

– Но если это ваши служащие, вы можете их просто уволить.

– Да я бы уже сто раз их уволил! Только сейчас не прежние

времена. Я в девяносто пятом с первой женой разводился, так секретарша губенки раскатала. Прикинь, она моргнуть не успела, вылетела как пробка! Я с тех пор вообще без секретарши, мне так даже больше нравится, спокойнее. Но сейчас не получится, сейчас у нас законность во все стороны. Мало того что мне потом их восстанавливать придется, так я еще и компенсации моральные платить замучаюсь. Нет, вот ты мне скажи, – он ткнул Гошку в грудь указательным пальцем, – что это за законы, если жена меня грабит, как хочет, а своих же любовниц я даже уволить не могу? Кто эти законы писал? Вроде в парламенте у нас одни мужики, откуда же такие законы, что все в пользу баб?

Судя по физиономии напарника, ему очень хотелось спросить, нет ли у клиента желания пристрелить и надоедливых любовниц, но Гоша сдержался. Вместо него ответил дипломатичный Барин:

– Это сложный вопрос.

– То-то и оно, – тоскливо подтвердил Солодцев, – сложный. Одна говорит: повешусь и записку оставляю, что из-за тебя. А другая, наоборот, в прокуратуру грозит написать, за сексуальное домогательство и изнасилование на рабочем месте.

– А вот шантаж и угрозы – это нехорошо, – оживился Александр Сергеевич. – Это мы можем прекратить.

– Точно? – Солодцев даже со стула привстал и замер в неудобной позе, стоя на полусогнутых ногах и подавшись

вперед. – Как?

Александр Сергеевич, прежде чем ответить ему, посмотрел на меня:

– Ты не возражаешь?

Я молча пожала плечами. Возражений у меня не было, желания – тоже. Но если шеф считает, что я должна взяться за эту работу...

– Не возражает, не возражает. – У Гошки, наоборот, энтузиазма вполне хватило бы на двоих. – Ей это будет даже приятно.

– Ничего сложного. – Баринов наконец поворачивается к клиенту. – Рита завтра утром заедет к вам в офис, поговорит с вашими потенциальными невестами и постарается убедить их оставить вас в покое.

– А... – Некоторое время Алексей Игоревич внимательно разглядывал меня, потом осторожно спросил: – А они послушаются?

– Я думаю, послушаются. – Баринов позволил себе легкую улыбку.

– Ну, если так... – Солодцев снова задумался, потом медленно, с трудом подбирая слова, предупредил: – Только они ведь такие... Наташка и в волосы вцепиться может. Светка, та тихая, а вот Наташка... это ничего?

– Ничего, – проворчала я. – Меня они не тронут.

И этого клиента Ниночка рекомендовала нам как милейшего человека! Мне предстоят разборки с женой, разборки

с любовницами, да еще, возможно, какая-нибудь из особо нервных дамочек попытается вцепиться мне в волосы – дивная перспектива, правда? Впрочем, в этой ситуации имеется и светлая сторона.

– Гоша, я срочно собираюсь и еду воспитывать жену Солодцева, – с деланным сожалением сообщила я напарнику, как только клиент удалился. – Так что отчет придется тебе дописывать.

– Черт! – мгновенно скис Гошка. – Рит-ка, ну что за свинство? Ты столько возилась, два отчета можно было закончить! Четыре!.. Много там еще осталось?

– Совсем чуть-чуть, – с легким сердцем соврала я. – Основную часть я уже набросала, осталась концовка. Потом скомпоновать все и отлакировать.

– «Отлакировать», – передразнил он. – У тебя целое утро было, могла не только закончить и отлакировать, но и цветочками разрисовать, под хохлому! Этот Солодцев совершенно прав, с вами, с бабами...

– Гоша! – пропели мы с Ниночкой в унисон. Это получилось вполне нежно, мы вовсе не угрожали. Так, предупредили.

– Хорошо: с вами, с женщинами, – слегка сбавил обороты напарник, – дело иметь невозможно. Кстати, Ритка, ты на СТО заезжала?

– На СТО? – Я остановилась на пороге.

– Вот! – обрадовался Гошка. – Вот именно об этом я и

говорю! Кто уже неделю на сцепление жалуется?

– Я жалуюсь. – Теперь настроение испортилось у меня. – А тебе лишь бы какую гадость сказать... мне машина каждый день нужна, а на ремонт ее только поставь – неделей не обойдется.

– Ага, а если сцепление в самый неподходящий момент рассыплется, это лучше будет?

– Можно подумать, для этого подходящие моменты бывают, – проворчала я.

– Не бывают, – согласился Гошка. – Поэтому, имей в виду, у тебя это тоже случится в самый неподходящий момент! И тогда не звони мне, я тебя на тросе не потащу, не надейся. Я буду сидеть здесь и отчет дописывать! А ты вызывай эвакуатор.

– Рощина, хватит болтать, – выглянул из кабинета шеф. – Я тебя уже с докладом по Солодцевой жду, а ты все еще здесь!

Гошка, конечно, прав, сцепление у меня барахлит уже вторую неделю, и, если я не хочу неприятностей, нужно срочно гнать машину в ремонт. Может, прямо сейчас? Нет, сначала съезжу к жене Солодцева, а уже оттуда на СТО. Или, после разговора с Солодцевой, вернуться в офис, а уже потом, вечером, по дороге домой сдать ремонтникам? Нет, хватит тянуть, пока сцепление окончательно не рассыпалось, нужно на СТО! То есть не сейчас, конечно, а сразу после

визита к Надежде Солодцевой. Покатаюсь недельку на общественном транспорте – неприятно, но ничего страшного. Обходилась же я без машины сколько лет! А если что срочное случится, Гошка подбросит, никаких проблем! Напарник мой на самом деле добрый и заботливый, это он просто сейчас из-за отчета немного сердится.

Я села за руль, поерзала на сиденье, устраиваясь поудобнее, включила зажигание и плавно нажала на педаль. Мотор чихнул...

– Ну, Гошка, – пробормотала я, – ну, типун тебе на язык! Надо же, накаркал! Правильно он сказал, еще на прошлой неделе надо было на ремонт ставить... если заведусь... если сейчас с места сдвинусь, то прямо сразу...

Машина плавно тронулась, и я облегченно перевела дыхание.

– Теперь на СТО!

Я осторожно двинулась по улице в сторону станции техобслуживания. А ведь квартира Солодцевой как раз по дороге, может, все-таки заскочить сначала к ней? А что, сделаю маленький крюк, поговорю с этой хулиганкой, напушу на нее страх божий, поманю сладкой морковкой и дальше, не задерживаясь, отправлюсь чинить сцепление. По-моему, очень удачный план!

Квартира, которую Солодцев оставил жене, мне понравилась: просторная, светлая и хорошо обставленная. А вот

бывшая супруга нашего клиента производила гораздо менее приятное впечатление. Нет, внешне все было в порядке: Надежда Солодцева имела симпатичное личико, неплохую фигурку и роскошные волосы, выкрашенные в золотистый, с ярким рыжим оттенком цвет. Только ростом мадам не вышла – метр пятьдесят, не больше. Рядом с мужем она смотрелась, наверное, как Моська рядом со Слоном. И характер эта Моська имела соответствующий.

Встретила она меня, не скрывая неудовольствия, хотя в гостиную пригласила и даже предложила присесть.

– Не понимаю, почему Лешка решил на меня сыщиков натравить. Чего он хочет?

– Прежде всего, насколько мне известно, он хочет с вами развестись, – вежливо ответила я.

– Пусть разводится, разве я возражаю? То есть сначала, конечно, я была против: сами подумайте, мы ведь семь лет, как голубки, прожили! Редкая пара за такой срок не поссорится ни разу, а мы – душа в душу!

– И вы ни разу не поссорились? – Я не посчитала нужным скрывать недоверие.

– Никогда! У нас для ссор причин не было. Лешка в мои дела не лез, я в его – тем более. Так, иногда, покричим друг на друга, разобьем пару тарелок, просто для развлечения. Милые бранятся, только тешатся – слышали? Поэтому, конечно, когда Лешка о разводе заговорил, я в шоке была. А потом подумала: какой смысл мужика держать? – Она скром-

но сложила руки на коленях и потупила глазки. – Если ему так лучше будет... я не собираюсь Лешке жизнь портить.

Прекрасно. Если супруга нашего клиента уже смирилась с неизбежностью развода, то моя задача упрощается.

– Я же понимаю, у него сейчас кризис среднего возраста и все такое, – продолжила Надежда. – Раз ему так припекает, пусть будет развод. Но только тогда по-честному: я его отпускаю, а он меня обеспечивает. А как же? Я столько лет ему домашний уют создавала, своей карьерой пожертвовала!

– Вы до замужества работали? Где?

– Нет, я не работала, не успела. Мы с Лешкой познакомились, когда я в политехе училась, на автодорожном факультете. Туда поступить проще всего было, зато учиться потом так тяжело – просто ужас! Я два раза академ брала, еле дотянула до конца. Да и то благодаря Лешке, я на последнем курсе за него вышла. Но работать он мне, конечно, не разрешил. Но это ладно, дороги строить я и сама не больно рвалась. А вот меня один режиссер звал в сериале сниматься, в главной роли! Так Лешка просто на дыбки встал! Мы с ним тогда так скандалили – за два дня три сервиза расколошматили, до последнего блюдечка! И все равно он мне не разрешил, ну разве не гад? Я бы сейчас, может, знаменитая актриса была, может, сама его послала куда подальше! Да что теперь жалеть? Тем более что сериал этот так и не сняли, режиссер спонсоров не нашел. Но Лешка все равно мне должен, и по закону, и по совести! Я ведь его все эти годы так любила! И

он меня тоже. Я же говорю, мы с ним – как голубки!

– Высокие отношения, – оценила я. – Именно поэтому вы вынесли ценные вещи из квартиры мужа и разбили стекло в его машине?

– А кто сказал, что это была я? – быстро возразила Надежда. При этом ее милостивое личико просияло настолько довольной, настолько злорадной улыбкой, что я согласилась с нашим клиентом: такая улыбка вполне могла считаться уликой. – Нечего ночью машину бросать где попало. Знаете, сколько шпаны сейчас по улицам бродит? Увидали хорошую машину – как не бросить камушек?

– В квартиру тоже шпана забралась?

– Понятия не имею. Я в этой квартире уже сто лет не была и, кого Лешка туда водит, не знаю. Осторожнее надо быть в знакомствах, я так считаю. Лешка любит по ночным клубам потусоваться и девочками, что там кавалеров поджидают, не брезгует. А среди них разные барышни случаются. Вы наверняка не одну такую историю знаете.

– Историй я много знаю. Но Алексей Игоревич уверен, что и квартира, и стекло в машине – ваших рук дело.

– У него просто мания преследования. – Женщина поджала губы и покачала головой. Выглядело это очень убедительно, и, возможно, я бы ей поверила, если бы не сияющие глаза. – Я знаю, он даже в полицию ходил, пытался заявление на меня написать. Но там реальные люди сидят, они с Лешкой даже разговаривать не стали. Хотя участковый ко мне при-

ходил. – Солодцева не сумела сдержать короткий смешок.

Пожалуй, пора немного сбить с нее спесь.

– Я знаю, что в полиции мнение вашего супруга не разделяют. Но тем не менее... – Я сделала многозначительную паузу, глядя ей в глаза. Надежда перестала ухмыляться и насторожилась. – Тем не менее мы склонны более внимательно отнестись к его подозрениям.

– Это ваше дело. Можете Лешкины подозрения хоть в газетах печатать, а только доказательств у него нет! И ничего, кроме иска за клевету, он не получит!

Я приподняла брови и внимательно, очень внимательно осмотрела ее с ног до головы.

– Да-да, именно так, иск за клевету!

Было очень трудно удержаться и не поморщиться – неприятно, когда у женщины такой высокий голос. А Солодцева еще добавила громкости.

– У меня, между прочим, адвокат есть!

– И адвокат советует вам придерживаться именно такой линии поведения? – надменно осведомилась я. – Тогда рекомендую вам его поменять.

– Не ваше дело мне рекомендовать! И не ваше дело, что мне адвокат советует! – Она держалась по-прежнему уверенно, но трещинки в ее броне уже появились. – Вы вообще зачем сюда явились? Запугивать меня будете?

Я неторопливо откинулась на спинку кресла и снова слегка, одними губами, улыбнулась.

– Зачем мне вас запугивать? Тем более вы, по вашему собственному утверждению, никакого отношения к неприятностям господина Солодцева не имеете. Нет, запугивать вас я не собираюсь. Разве что предупредить, так, на всякий случай.

– Предупредить? – Она уже заметно нервничала.

– Дело в том, что с сегодняшнего дня жизнь и имущество Алексея Игоревича находятся под охраной детективного агентства «Шиповник». То есть с сегодняшнего дня любые попытки посягнуть на упомянутые жизнь и имущество будут пресекаться со всей возможной суровостью. И с самыми неприятными последствиями для посягнувшего.

– Я вас не понимаю. – Голос Надежды дрогнул, и она поторопилась откашляться. – Если Лешке денег девать некуда и он нанимает каких-то... в общем, охраняйте на здоровье, меня это ни с какого бока не касается. И ваши предупреждения мне не нужны.

– Дело ваше. – Я продолжала смотреть женщине в глаза. – Но усвойте главное: теперь если около Алексея Игоревича появятся неизвестные хулиганы, или неразборчивые в средствах девицы, или еще какие криминальные элементы, то свидетелей их противоправных действий долго искать не придется. Заверяю вас, что в нашем агентстве работают достаточно профессиональные люди, которые сумеют оградить клиента от неприятностей.

Несколько секунд Солодцева молчала, потом громко и

ненатурально рассмеялась.

– Ой, не могу! Это вы теперь, всем вашим агентством, Лешку охранять будете? Вот умора! Представляю, один охранник у дверей квартиры стоит, другой около машины дежурит, – она вскочила с дивана и начала кривляться, изображая упомянутых охранников, – а около Лешки сразу двое крутятся – телохранители! Надо будет обязательно подъехать полюбоваться...

Смотреть на этот балаган мне было совершенно неинтересно, и я довольно жестко перебила ее:

– Кроме того, я хочу, чтобы вы поняли: ваше поведение неразумно. Неразумно и опасно.

– В каком смысле? – Она замерла в нелепой позе и уставилась на меня. – Вы опять мне угрожаете? Или это Лешка...

– Алексей Игоревич совершенно не желает вести с вами войну, – снова перебила я. – И ни о каких угрозах речь не идет. Если я говорю об опасности, то имею в виду не здоровье ваше, а исключительно материальное благополучие.

– Чего? – Солодцева вернулась на диван и снова сложила ладошки на коленях. – Чего вы там с моим материальным благополучием придумали? Имейте в виду, я законы знаю: пятьдесят процентов нажитого – мои! А работала я в это время или нет, это всем фиолетово! Между прочим, если бы мои родители не подсуетились вовремя, не свели Лешку с нужными людьми, он бы до сих пор в своем ларьке сидел – сам себе хозяин, сам себе продавец! Так что я от своей доли не

откажусь, даже не рассчитывайте! У меня адвокат есть...

– Да что вы все с этим адвокатом! – Нехорошо, конечно, что я все время ее перебиваю, но что делать? От этих визгливых воплей у меня скоро голова разболится. – У него есть доступ к финансовым документам Алексея Игоревича? Или у вас? Может, фирма вашего мужа, по отчетам, одни убытки приносит? Пятьдесят процентов совместно нажитых долгов хотите выплачивать?

– Какие долги? – Она слегка побледнела. – У Лешки все хорошо... у него денег навалом...

– Вы действительно не знаете, как это делается?

– Но Лешка так не может! Он никогда... он что, хочет меня совсем ограбить?..

– Алексей Игоревич человек разумный и совершенно не собирается вас грабить. Наоборот, до всех этих прискорбных... м-м-м... – я ненадолго замаялась, делая вид, что подбираю подходящее слово, – до всех этих прискорбных происшествий с квартирой и машиной он был настроен на достижение взаимовыгодного компромисса.

– А теперь? – Надежда мгновенно ухватила главное. – Как он теперь насчет компромисса?

– В данный момент он несколько раздражен. И не склонен проявлять какую бы то ни было щедрость.

– Можно подумать, он ее раньше проявлял, – фыркнула она и тут же деловито уточнила: – То есть вы предлагаете поторговаться?

– Ничего подобного. – Я многозначительно улыбнулась. – Я всего лишь говорю, что если вы в дальнейшем будете вести себя разумно, то вполне можете рассчитывать на определенные бонусы.

– Так. – Она сцепила пальцы в замок и постучала ими по коленке. – Я понимаю. Но это вы от себя мне советуете? Или так сам Лешка сказал?

– Совет вам даю я. Но с ведома и по прямому поручению клиента. И знаете, Надежда, – я внезапно сменила холодный, деловой тон на дружески-доверительный, – мне кажется, вам имеет смысл поговорить с Алексеем Игоревичем. Если вы заверите его, что никаких неприятностей больше не будет, он это оценит.

– И отменит развод? – грустно усмехнулась она.

– Это вряд ли. Но насчет материального обеспечения...

– Я понимаю. – Теперь она перебила меня. – Лешка никогда жадным не был, это он сейчас от злости завелся. Но вы и меня поймите. В квартире кое-какие мои вещички оставались, вот я и зашла их забрать. Специально подгадала, чтобы его дома не было, не хотела встречаться. А там, на самом видном месте... в общем, приводил он туда девок, в эту квартиру. Я тогда здорово психанула. Сначала хотела полный разгром устроить, даже вазу одну разбила, но все-таки сдержалась. Осколки смела и в ведро выкинула, а потом собрала все ценное, что смогла найти. Жалко, не так много там было. Лешка к золоту равнодушен, а деньги у него на кар-

точке, наличку он понемногу снимает, когда нужно. А как вы думаете? Я за семь лет ни разу ему не изменила, а он, кобель проклятый, что вытворяет?

Надежда, не вставая, дотянулась до лежащего на журнальном столике изящного портсигара, раскрыла его и протянула мне:

– Курите?

Я покачала головой:

– Нет, спасибо.

– Счастливая. – Она достала сигарету, зажала ее в зубах и вынула из кармана зажигалку. – А я вот сто раз уже бросала и все никак...

Зажигалка работала плохо, и прикурить удалось не сразу. Наконец Надежда нервно затянулась, выдохнула дым и продолжила:

– В последний раз семь месяцев продержалась, а потом Лешка сказал про развод, и я снова сорвалась. Ну не хочу я с ним разводиться, совсем не хочу! И не в деньгах дело, деньги тут ни при чем! У Лешки, конечно, миллион недостатков, но что ж теперь? Мужиков без недостатков не бывает. А Лешка веселый и не жадный – мы семь лет прожили, а сейчас кажется, как один день. Хотя что такое семь лет? Мои родители тридцать два года женаты, а бабушка с дедушкой вообще шестьдесят девять лет вместе. В будущем году юбилей отмечать будут. Только мы с Лешкой к этому времени уже разведемся.

На мгновение мне показалось, что сейчас она расплачется, но глаза Надежды оставались сухими. Она стряхнула пепел прямо на пол и пожаловалась:

– Потом я с ним поговорить хотела, но Лешка от меня прятаться начал – такая глупость! Я, конечно, опять психанула. А тут смотрю, его «лексус» стоит. И кирпич прямо под рукой, как нарочно... Разве можно было удержаться?

– По крайней мере, очень трудно, – согласилась я, не скрывая иронии. Впрочем, Надежда приняла мои слова за чистую монету.

– Да никак нельзя! Вот я и стукнула... слегка так, почти без замаха. Я что, виновата, что лобовое стекло такое слабое оказалось?

Она сделала паузу и посмотрела на меня, ожидая сочувствия. Увы. Я даже не стала делать вид, что прониклась ее переживаниями. Надежда потупилась и сказала почти с раскаянием:

– Зря я это сделала. Лешка над своим «лексусом» так трясется – если бы он меня там поймал, убил бы на месте! Да и сейчас... может, я бы и хотела, как вы говорите, насчет компромисса пообщаться, но он так злится, что я боюсь к нему близко подходить.

– Если хотите, я могу присутствовать при встрече.

– Думаете, он вас постесняется? – Надежда бросила на меня оценивающий взгляд. – Хотя, если захочет произвести впечатление – может быть. Ему такие девушки, как вы, нра-

вятся.

– Вот уж к чему я совершенно не стремлюсь, так это понравиться вашему мужу! – вырвалось у меня. Вообще-то, такая прямолинейная искренность в нашей работе не поощряется, но я просто не смогла удержаться.

– Ну, тогда вы редкое исключение. – К ней мгновенно вернулась высокомерная язвительность. – Обычно девицы на него пачками вешаются.

Мне стало скучно. Когда я общаюсь с подобного рода женщинами, это случается. Ну что мне теперь, устроить с ней состязание в высокомерии, наглядно объяснить, какое место она, по моему мнению, занимает в нашей вселенной? А зачем? Только для удовлетворения собственного самолюбия? Победить в словесной перепалке Надежду Солодцеву – не та цель, к достижению которой стоит стремиться. Хотя некоторая надменность должна присутствовать, иначе Надежда просто не отнесется к моим словам серьезно.

– Вы упускаете из виду одну мелкую деталь. – Смотреть на нее сверху вниз, хотя мы обе сидели, не составляло никакого труда. – Я не девица, как вы выражаетесь, а сотрудник детективного агентства. На мужчин вешаться не приучена, и Алексей Игоревич для меня только клиент, поручение которого я хочу выполнить.

– Это не имеет значения. Если Лешка на вас глаз положил... Осталось только решить, что для меня лучше? Если он на вас отвлечется, то добрее станет или, наоборот, упрет-

ся? Он ведь таким упрямым иногда бывает, тремя ослами не сдвинешь! А тут еще этот «лексус»... Я, конечно, Лешке в жизни не признаюсь, что это я стекло разбила, но он ведь не дурак, сам догадывается.

– Вы можете пригласить на встречу своего адвоката. Думаю, он не откажется.

– Адвокат... – Надежда закусила губу и сморщила носик, сразу став похожей на маленькую злую болонку. – Адвокат, конечно, не откажется, у него оплата почасовая. А знаете, он мне, в общем, то же самое говорит: что Лешку злить глупо, что все вопросы лучше миром решить, а не войнушку устраивать... «Гибче надо быть, дорогая моя, гибче», – пропела она высоким, дребезжащим голоском, очевидно передразнивая адвоката.

– Вполне разумная позиция, – согласилась я. – На вашем месте я бы прислушалась.

– Вы никогда не окажетесь на моем месте! – неожиданно вспыхнула Солодцева.

Хм, а в чем-то она права. Действительно, на месте этой женщины я никогда не окажусь. И даже не представляю себе ситуацию, в которой я буду брошенной женой состоятельного бизнесмена. Хотя странно – почему нет? Бизнесменам ведь тоже надо на ком-то жениться, а я – вариант не хуже многих. Но не представляю. А если меня бросит Кириллов? Да, я помню, он мне вовсе не муж и никакого движения в эту сторону не предвидится – Витьке великолепно удастся

делать вид, что я ему совершенно не интересна, даже я иногда верю. Впрочем, у меня равнодушное безразличие к его персоне получается не хуже. Но все-таки? Если Витька на мне женится, а потом бросит – пойду я ему стекла бить? Однозначно – пойду. И не только все стекла в машине перебью, но и... Хотя какой смысл думать о несбыточном. Прежде чем меня бросать, Кириллову надо хоть разок на меня с нежностью посмотреть. Но если такое случится, то он, как утверждает Ниночка, мгновенно исчезнет с горизонта.

– Подумаешь, какая принципиальная! Вешаться на мужиков она не приучена! И вообще, уж если вам Лешка не по душе, то я не знаю, какого принца вам нужно! – продолжала возмущаться Надежда.

Какого принца мне надо? Не надо мне никакого принца! Да мне вообще никого не надо, с мужиками одна нервотрепка!

– Мне вообще никого не надо! – холодно повторила я вслух. – И давайте вернемся к вашим проблемам.

– Да я что, – сразу сникла она. – Я ведь уже согласилась. Меня и родители ругают. Я уже к ним и не показываюсь, а то они сразу нотации мне читать начинают, говорят, что я совесть совсем потеряла. Лешка ведь, гад такой, что удумал: сказал им, что мы разводимся, но помогать продолжает. Дескать, за эти семь лет они ему как родные мама с папой стали, и он их бросить не может. Нет, красиво, а? Жену, значит, бросить – это без проблем, а тещу с тестем – нельзя! Ну не

скотина ли он после этого?

Я не знала, что ей ответить. Солодцев не показался мне добряком-бессребреником, и объяснить его решение было трудно. Не пытался же он таким образом насолить жене? Но и Надежда тоже человек по меньшей мере странный. Осуждать бывшего мужа за намерение помогать ее же родителям?

Впрочем, мой ответ и не требовался, Надежда прекрасно справлялась сама. Она разразилась пространной речью, полной жалоб и упреков, подробно и с массой примеров расписав, каким чудовищем является наш клиент, и объяснив, каким именно образом он загубил ее молодые годы. У меня было сильное желание напомнить женщине ее же собственные слова про голубков и про семь лет без единой ссоры, но я понимала, что ничего, кроме новой волны жалоб и упреков, это не вызовет.

– То есть вы отказываетесь от того, чтобы пойти на соглашение с Алексеем Игоревичем? – спросила я, когда она начала выдыхаться.

– С чего вы взяли? – опешила Надежда. – Я что, идиотка, своей выгоды не понимаю? Если Лешка решил в благородство поиграть, надо быстро соглашаться, пока он не передумал. Кстати, вы насчет «бонусов за хорошее поведение» намекали. В чем это конкретно выражается? Может, он машинку мне поменяет? А то оставил такое старье, просто ездить стыдно...

– Все это вы обсудите не со мной, а с Алексеем Игоревичем.

чем, – перебила ее я и поднялась с дивана. – Я передам ему, что вы готовы к сотрудничеству.

– К взаимовыгодному сотрудничеству, – с нажимом уточнила она.

– Разумеется. Вы хотите, чтобы мы организовали встречу? Пригласили вашего адвоката?

– Это еще зачем? Что, я сама не знаю, как Лешку найти? Нет, спасибо, конечно, но если вы будете что-то там организовывать, то все так формально получится, официально... не люблю. И адвокат, раз такое дело, нам не нужен. Я сама к Лешке заеду, поворкуем без посторонних. Мы же не чужие все-таки, семь лет как голубки...

Прежде чем ехать в офис, я посидела в машине минут пять, откинувшись на спинку сиденья и прикрыв глаза. Утомила меня эта дамочка. А впереди еще переговоры с двумя любовницами Солодцева. Господи, во что мы ввязались? Зачем? Как только вернусь в офис, скажу шефу, что отказываюсь иметь дело и с самим Алексеем Игоревичем, и с его женщинами! Пусть Гошка с ними разбирается! Я еще немного помечтала, как четко и аргументированно изложу свое мнение, представила, какие лица будут у Александра Сергеевича и у Ниночки, как удивится моему неожиданному бунту Гошка, хихикнула и аккуратно тронулась с места.

По дороге мое еле живое сцепление ни разу о себе не напомнило, скорости переключались без проблем, и, есте-

ственно, я проехала поворот на СТО, даже не вспомнив, что собиралась поставить машину на ремонт.

Агентство «Шиповник» располагается на небольшой тихой улочке, машины по ней почти не ездят, да и пешеходы встречаются редко. На каждого из них я научилась смотреть оценивающе-придирчивым взглядом: а не к нам ли в агентство ты, мил-человек, направляешься? И чаще всего угадываю. Есть в наших клиентах какая-то внутренняя напряженность, старательно сдерживаемая нервность, скованность в движениях. Вот и сейчас: мужчина лет сорока, худощавый и сутулый, неторопливо шел по правой стороне улицы. Одет хорошо и, в общем, выглядит интеллигентно, шагает неторопливо – можно подумать, что человек просто вышел прогуляться. Но слишком прямая спина и резкие движения рук выдают то самое нервное напряжение, о котором я говорила. И по сторонам он оглядывается слишком часто, через каждые несколько шагов.

Я подъехала к стоянке и сбросила скорость. Мужчина остановился. Достал пачку сигарет, закурил, снова огляделся. Увидел на столбе ободранное, выцветшее объявление и начал старательно его изучать.

Знаю я это объявление, оно появилось полгода назад – все желающие приглашались на краткие курсы исполнителей арабских и восточных танцев. За три месяца опытные педагоги, лауреаты международных конкурсов, обещали научить неподготовленных новичков всем премудростям бэллидан-

са, ориенталья и танца живота. Мы с Ниночкой даже слазили в Интернет посмотреть, что это за бэллиданс с ориенталем такие – по поводу танца живота вопросов, естественно, не было. Гибкие танцовщицы произвели на нас такое впечатление, что там же, в Интернете, мы нашли видеоуроки для начинающих и принялись, потихоньку от наших мужчин, разучивать движения. Бросили мы примерно через неделю: несмотря на спортивную подготовку, неплохую координацию, наличие музыкального слуха и чувства ритма, восточная экзотика нам не давалась. Танцевали мы обе, как бы это помягче выразиться, с изяществом свежевоструганного Буратино. Хорошо еще, старшие партнеры нас за этими танцами не застали. Сан Сергеич человек деликатный, он бы ничего не сказал, а вот Гошка – тот издевался бы над нами долго и изобретательно, это точно.

Я припарковалась, вышла из машины, поднялась на крыльцо и оглянулась. Мужчина по-прежнему не сводил глаз с обтрепанного листочка. Можно подумать, он всю свою сознательную жизнь мечтал заняться бэллидансом или ориенталем (я уж не говорю о танце живота), только не знал, куда обратиться, искал именно такое объявление... Но я понимала, что этот человек, скорее всего, даже не видел текста, на который уставился.

Разумеется, я могла подойти к нему, заговорить, намекнуть, что если нужна помощь, то агентство «Шиповник» совсем рядом. Но потенциальный клиент явно еще не созрел,

сейчас даже смотреть в его сторону нежелательно – запаникует и сбежит. Ладно, мы никуда не торопимся. Пусть еще постоит, подумает.

А интересно, это тот самый нерешительный клиент, на которого утром жаловалась Ниночка, до нас добрался или другой, такой же робкий?

Как только я вошла в приемную, из кабинета показался Баринков:

– Докладывай.

Я коротко пересказала разговор с Надеждой и в заключение сообщила:

– Адвокат тоже советует Солодцевой вести себя помирнее, да она и сама понимает, в чем ее выгода. Так что обещала больше не безобразничать и в самое ближайшее время приступить к мирным переговорам.

– Вопрос с ней можно считать решенным? – уточнил шеф.

– Думаю, да. Она теперь настроена за хорошее поведение побольше выторговать у супруга.

– Хорошо. Большого от тебя никто и не требовал. С пассиями Солодцева завтра утром съездишь разберешься. Не думаю, что у тебя это много времени займет.

– Почему завтра? До конца рабочего дня время еще есть, а эта «Жикле» недалеко. По крайней мере, с одной из барышень я точно успею поговорить.

– Ничего, дело не срочное. Сегодня ты здесь нужна, к нам сейчас клиент подойти должен.

Баринов вернулся в кабинет, а я подошла к окну. Мужчина все еще был там, у столба, но уже не смотрел на объявление, а топтался, словно исполнял какой-то нелепый танец.

– Что за клиент? – спросила я у Нины.

– Тот самый, нерешительный. Звонил минут сорок назад.

– Ясно. Набрался, значит, храбрости. – Я продолжала смотреть в окно. Мужчина обошел вокруг столба, бросил сигарету, растер ее по асфальту подошвой ботинка и, похлопав себя по карманам, снова достал пачку. – Или еще только набирается. А где Гоша?

– Отчет пишет, – усмехнулась Нина. – Так что я тебе не советую в вашу комнату соваться. Посиди лучше здесь.

– Разумно. – Я присела на подоконник.

Мужчина внимательно осмотрел пачку и переложил ее в другую руку. Потом поежился и неторопливо двинулся в сторону крыльца. Шаги его становились все короче, все медленнее. У самого крыльца мужчина остановился.

– На что ты там загляделась? – Нина встала из-за стола и тоже подошла к окну.

– Думаю, на нашего нерешительного клиента. – Я невежливо (он, конечно, меня не видел, но все равно это было невежливо) показала пальцем. – Интересно, сколько времени он будет с духом собираться? Полчаса? Час?

Нина неодобрительно покачала головой.

– Такой, если ему никто направляющего пинка не даст, и до вечера может перед нашей дверью топтаться.

В этот момент с перекрестка на нашу тихую улочку вывернула машина. Увидев ее, мужчина дернулся, оглянулся, и тут же все его движения стали необыкновенно быстрыми. Он мгновенно преодолел остававшиеся пару метров, взбежал на крыльцо, распахнул дверь и исчез из вида – словно кролик в нору юркнул.

– Как ты думаешь, он сразу к нам или еще на лестнице потанцует? – спросила я.

– Судя по начальному ускорению, должен добежать без... – Нина не договорила, потому что дверь приоткрылась и в узкую щель проскользнул тот самый мужчина.

– Добрый день, – тихо поздоровался он.

– Добрый день, – слаженным дуэтом ответили мы.

– Это агентство? Агентство «Шиповник»?

Нина сделала шаг вперед и любезно улыбнулась.

– Это «Шиповник», – подтвердила она. – А вы – господин Панов?

– Да. Но откуда вы... – Мужчина достал из кармана пачку сигарет, растерянно посмотрел на нее, потом, словно спохватившись, кивнул. – Понятно, я же звонил.

– Звонили. И мы вас ждем. Проходите, пожалуйста. – Нина указала на кабинет шефа и слегка подтолкнула меня. – Гошку позови.

Мелкими, неуверенными шагами Панов двинулся к кабинету Барина, а я заглянула в нашу комнату. Очень не хотелось отрывать напарника от отчета: чем больше он напишет,

тем меньше мне останется.

Теперь представьте мое возмущение, когда я увидела, чем Гошка занимается! Вместо того чтобы трудиться над отчетом, этот наглый тип открыл на компьютере игрушку-аквариум и преспокойно кормил рыбок!

– Гошка! Ты что делаешь?!

– А? – Он рассеянно оглянулся. – Ты уже пришла? Представляешь, какая неприятность: я вчера вечером уже сообщал плохо, спать хотел. Прикупил десяток морских коньков и ошибся, запустил их в аквариум к пираньям. А коньки дорогие, по двести монет каждый стоит.

– Всех сожрали? – Мое искреннее возмущение сменилось сочувствием. Предъявлять претензии по поводу недописанного отчета человеку, который скормил дорогих морских коньков пираньям, как-то неловко. Тем более что игрой в аквариум заразила напарника именно я. А меня Маринка, а Маринку Борис... но если мы с Маринкой переболели довольно быстро, то мужчин зацепило крепко.

Сестренка жаловалась мне, что ее молодой супруг может среди ночи вскочить с кровати, чтобы покормить гуппи. А на резонное замечание, что не подохнут эти гуппешки, посидят (точнее, поплавают) до утра на диете, Борис отвечает, что ему жалко рыбок, а кроме того, он рассчитывает утром этих гуппи продать и получить бонусный бриллиант...

– Один остался, – меланхолично отозвался напарник. – Вот я теперь и думаю, купить коньков снова или уже черт с

ними? Может, лучше полсотни скатов собрать?

– За скатов бонусом бриллиант?

– Три. – Гошка вывел на экран список заданий. За выращивание пятидесяти электрических скатов действительно полагалось три бриллианта.

– Если бы они настоящие были!

Наверное, именно поэтому мы с Маринкой так быстро забросили эту игрушку. Нас раздражает и оскорбляет то, что, честно выполняя задания, мы зарабатываем исключительно виртуальные бриллианты, которые ни на пальчик надеть, ни подругам показать... и какой смысл этим заниматься? Мужчины не настолько практичны, их мало волнует результат, их интересует процесс. И поэтому Гошка, вместо того чтобы заниматься делом, печалится над безвременно съеденными морскими коньками.

– Ладно, закрывай свою рыбоферму и пошли быстрее к шефу: у него новый клиент сидит.

– Что за клиент?

– Недозрелый. Тебе не понравится.

– Если клиент не дозрел, то какой смысл торопиться? – проворчал напарник, закрывая игрушку. – Смотреть, как его плющит и колбасит, – удовольствие небольшое.

Тем не менее он двинулся вслед за мной к кабинету Барина. Клиент уже устроился в кресле, но, когда мы с Гошей вошли, вскочил и слегка поклонился.

– Панов Валерий Геннадьевич. Бизнесмен.

Александр Сергеевич тоже встал и представил нас, после чего неопределенно махнул рукой:

– Прошу садиться. Итак, Валерий Геннадьевич, в чем заключаются ваши проблемы?

– Э-э-э, видите ли... это не совсем проблемы... и не совсем у меня... дело довольно тонкое...

Гоша совершенно прав: смотреть, как взрослый человек ежится в кресле, мучительно подбирая слова, – удовольствие небольшое. А точнее, совсем никакого удовольствия. Так и хочется подойти к нему, потрепать ласково по плечу и пошевелить: «Иди-ка ты отсюда, мил-человек, подумай еще, может, мы тебе и не нужны вовсе? И только когда придешь к выводу, что без нашей помощи тебе не обойтись, тогда и возвращайся – поговорим».

Панов внезапно замолчал и поднял руку с пачкой сигарет, все еще зажатой в кулаке.

– У вас тут можно курить?

– Пожалуйста, – разрешил шеф и бросил на меня короткий взгляд.

Я, не вставая со стула, протянула руку и сняла со стеллажа небольшую металлическую пепельницу. Мы ее купили специально для клиентов – у нас, в «Шиповнике», никто из сотрудников не курит.

– Спасибо, – пробормотал Панов, когда я поставила пепельницу перед ним. – Вообще-то я не склонен злоупотреблять, но тут такая ситуация... нервы...

– Мы понимаем.

Терпение у шефа поистине ангельское. Гошка, в отличие от него, смотрел на клиента довольно кисло.

– Дело довольно деликатное, и действовать нужно тонко... – Панов сделал короткую паузу и закурил. – Полная конфиденциальность, понимаете, и осторожность... Я долго думал, прежде чем обратиться к вам...

– И конфиденциальность, и осторожность, и тонкость – все это мы вам гарантируем, – заверил его Александр Сергеевич.

– Да-да, разумеется, я в курсе. – Панов нервно затянулся. – Я ведь навел справки, очень осторожно, конечно, но отзывы самые благоприятные. Но мой вопрос, он немного особый... вы когда-нибудь занимались делами, связанными с промышленным шпионажем?

Баринов даже глазом не моргнул.

– Случалось.

Интересно, когда это мы занимались промышленным шпионажем? Может, раньше, еще до того, как я пришла в «Шиповник»? Хотя историю с перехватами заказов строительной фирмы с некоторой натяжкой, но можно отнести к этой категории. С разработкой дизайна новых игрушек тоже. И еще была парочка мутных дел... Александр Сергеевич совершенно прав: случалось нам и промышленным шпионажем заниматься.

– А кому именно вы помогали? В чем?

Шеф позволил себе удивленно приподнять брови.

– Вы всерьез рассчитываете, что я вам отвечу?

– Ох, разумеется, нет! Извините, это я не подумав спросил – нервы, понимаете? И дело, конечно, не в шпионаже. Да и какой шпионаж – так, детские игры! В нашей губернии и промышленности серьезной давно нет, за кем шпионить? Это раньше у нас и самолеты делали, и станки, и точное приборостроение развивалось... А теперь все производство развалено, заводы свои площади под торговые центры сдают да под элитные клубы обустройствают. Если кто и пытается шевелиться, то занимаются мелочовкой – в плане экономического развития региона говорить не о чем.

Александр Сергеевич деликатно кашлянул, и Панов смутился.

– Извините, я отвлекся. Я просто хотел сказать, что проблема совершенно в другом. А собственно, может, и нет никакой проблемы, просто несогласованность и глупые страхи. Но я все-таки немного волнуюсь, понимаете...

Конечно, понимаем. Все люди, которые приходят к нам, волнуются, у всех проблемы – сложные, неразрешимые и непременно требующие особо деликатного подхода. Некоторые клиенты являются просто в истерике, и их, прежде чем начинать деловой разговор, приходится отпаивать моим фирменным успокаивающим коктейлем – сорок капель валерьянки на стакан холодной минеральной воды. Но мало кто из них раздражал меня так, как господин Панов. Сидит в

«клиентском» кресле, мусолит сигарету, а к делу приступать словно и не собирается!

А Валерий Геннадьевич внезапно смял наполовину выкуренную сигарету, бросил ее в пепельницу и спросил:

– Вам ведь пропавших людей тоже приходилось искать?

– И довольно часто, – сообщил шеф. – Это одно из основных направлений нашей работы. – Он подождал немного и, поскольку Панов снова замолчал, уточнил: – Так чем нам придется заниматься: вопросами промышленного шпионажа или поисками пропавших?

– Э-э-э... – Валерий Геннадьевич завозился, доставая из мятой пачки новую сигарету и прикуривая ее. – Э-э-э...

Мы терпеливо ждали.

– Понимаете, – наконец промямлил Панов, – это все немного взаимосвязано. Но прежде всего, наверное, нужно найти человека... одну женщину. Даже не обязательно найти, просто удостовериться, что у нее все в порядке. Эта женщина не то чтобы пропала, но я не уверен... И если бы вы смогли аккуратно, чтобы никто не обратил на это внимания, выяснить...

– Валерий Геннадьевич, – мягко прервал его шеф. – Пока вы не сообщите нам, о какой женщине идет речь, не расскажете, когда и при каких обстоятельствах она пропала, и не поделитесь прочей необходимой информацией, нам нет смысла начинать работу.

– Да, конечно, я понимаю! Просто все это так неприятно,

и я до конца не уверен... ей это может не понравиться, но у меня ведь тоже нервы не железные... в конце концов, я волнуюсь! У меня просто нет выхода, вы согласны?

Я незаметно покосилась на Гошку. Он развалился на стуле, лицо спокойное и даже равнодушное – роль туповатого опера в ожидании команды напарник исполняет мастерски. Или действительно расслабился и ждет, когда клиент закончит увертюру и перейдет к деловому разговору? Нет, Гошка слушает Панова, и очень внимательно. И не менее внимательно наблюдает за руками Валерия Геннадьевича: как они терзают сигаретную пачку, как сминают в пепельнице очередную сигарету, как подрагивают и нервно барабанят по столу короткие пальцы с круглыми, коротко остриженными ногтями. И при последних словах Панова выражение лица у Гошки не меняется, только губы на мгновение изгибаются в еле заметной усмешке.

В отличие от него, Александр Сергеевич позволил себе полноценную улыбку, дружелюбную и сочувственную.

– Совершенно с вами согласен, – мягко прогудел он. – Итак, начнем с самого простого: как ее зовут?

Панов сделал глубокую затяжку, потом осторожно положил сигарету на край пепельницы и с таким видом, словно открывает нам главную государственную тайну, выдохнул:

– Альбина. Ее зовут Альбина Сторожева.

– Уже хорошо, – поощрительно заметил Баринов. – Продолжайте.

– Э-э-э... – Панов снова схватился за сигарету, вцепился в нее зубами. – Это моя э-э-э... знакомая. Довольно близкая... в общем, знакомая, понимаете?

– Что ж тут не понять, – подал голос Гошка. Панов слегка подпрыгнул от неожиданности и уставился на него, как кролик на удава. А Гошка продолжил: – Госпожа Сторожева ваша хорошая знакомая. В данный момент ее местоположение вам неизвестно и вы хотите его установить, так?

– Так, – загипнотизированно кивнул Панов. – То есть не совсем так. Мне бы только знать, что с ней все в порядке... разные ведь бывают случаи...

– У вас есть основания полагать, что с ней что-то произошло? – спросил Баринов, и Панов с заметным облегчением повернулся к нему:

– Ну, как сказать, основания... просто я волнуюсь. Я не видел ее три дня, и телефон тоже не отвечает. Понимаете, мы с Альбиной знакомы довольно близко, уже более трех лет... и до сих пор такого не случилось.

– Немного подробнее об Альбине, пожалуйста. Сколько ей лет, где живет, где работает?

Панов взял сигарету, сделал две короткие затяжки и снова положил на край пепельницы.

– Да какие тут подробности. Альбина – обычная женщина. Молодая, двадцать четыре года всего. Замужем, кажется, не была, по крайней мере, я ничего такого не знаю. Живет одна в приватизированной однокомнатной квартире, в Ленин-

ском районе. От центра далековато, зато место тихое, зелень там... ей нравится.

– Теперь про работу, пожалуйста.

– Про работу? В том-то и дело, понимаете... Месяц назад она устроилась в некую фирму... вы не подумайте, ничего такого, она это по собственной инициативе сделала! Но когда Альбина рассказала, я, конечно, подумал, что грех было бы не воспользоваться... такая возможность...

– Ага, вот у нас и промышленный шпионаж нарисовался, – удовлетворенно пробасил Гошка.

– Да почему же сразу шпионаж, – нервно дернулся Панов и схватился за сигарету. – Я ничего особенного не имел в виду – так, кое-какая информация, по мелочам... что она такого могла узнать? Ее же не финансовым директором туда взяли, а мелким клерком, при оргтехнике...

– Оргтехника, – негромким эхом повторил Гоша. – Принтер, ксерокс, архивы... Через руки мелких клерков все коммерческие тайны проходят.

– Господи, ну какие там тайны! И даже если Альбина что и подсмотрела краем глаза, за это же не убивают, правда?

– А вы считаете, что ее убили?

– Что? – Панов снова нервно дернулся и уронил сигарету на колени. – Кого убили? С чего вы взяли? – Он старательно стряхнул пепел с брюк и только тогда поднял голову. – Я ничего такого не говорил!

– Тем не менее, поскольку вы здесь и утверждаете...

– Нет, нет! – Панов замахал руками, как маленькая, хорошо отлаженная ветряная мельница. – Она жива, разумеется, она жива! Я даже подумать не могу, что это может быть не так! В конце концов, сейчас не те времена, не лихие девяностые! И фирма эта не бандитское гнездо какое-нибудь, а очень солидное предприятие...

– Что за фирма? – перебил его шеф.

– Фирма? Э-э-э... – Он бросил короткий взгляд на Барина, на Гошу, потом посмотрел на меня и опустил глаза. – В общем, это не секрет. Фирма называется «Хит сезона», специализируется на выпуске дисков. Фильмы, аудиозаписи, игры компьютерные – коммерчески очень выгодное направление.

– А раньше она где работала?

– До «Хита»? Как вам сказать... понимаете, ничего особенного. Она, конечно, хотела устроиться, но получалось все больше так, на подхвате... иногда переводы с французского, иногда репетиторство...

– Скажите, Валерий Геннадьевич, ваш бизнес тоже с записью дисков связан? – спросила я, и напарник посмотрел на меня одобрительно.

– В некотором роде, – немного смутился Панов. – Собственно диски мы не выпускаем, но предприятия родственные. Нет, я уверен, что все это ерунда и работа Альбины никак не связана... я просто не понимаю, почему она исчезла.

– А как она исчезла? Просто не пришла ночевать?

– Н-нет, – слегка запнулся Валерий Геннадьевич. – В смысле, я не знаю, может, и не пришла. Понимаете, мы, конечно, в некотором роде вместе... но не совсем. То есть мы не живем вместе, а только так... когда есть время и настроение... ну, вы понимаете. Но мы встречаемся каждый день на... то есть, я имею в виду, после работы, по вечерам. Или созваниваемся. А тут, уже пятый день... конечно, с этой новой работой у Альбины стало меньше времени, она очень уставала, и мы стали реже встречаться. Но в прошлую среду мы поговорили по телефону, и в четверг она мне позвонила... веселая такая была, оживленная, строила планы... мы собирались на выходные съездить в дом отдыха, «Речные просторы» называется, не приходилось бывать? Очень комфортное место и недалеко, практически в пригороде, добираться удобно. Контингент очень солидный: не гламурная тусовка собирается, а серьезные люди приезжают отдохнуть в спокойной обстановке. Мы договорились, что я закажу номер, но в пятницу Альбина не позвонила. И выходные прошли, и понедельник, и сегодня уже вторник... Я, конечно, попробовал сам с ней связаться, но телефон был выключен... это так странно!

– Ничего странного, – с видом знатока возразил Гоша. – Женщины, что вы хотите? Загадочные существа. Морщинку новую нашла, критические дни, пятна на солнце или звезды не так встали – вот у нее уже плохое настроение, никого не хочет видеть и выключает телефон!

– Нет, молодой человек, вы не понимаете, – обиделся Панов. – Вы совершенно не понимаете наших взаимоотношений с Альбиной. Пятна на солнце или, как вы выражаетесь, критические дни здесь совершенно ни при чем! Альбина очень ответственная женщина, и, если уж мы договорились созваниваться ежедневно, она эту договоренность будет выполнять!

– Может, просто подзарядить забыла? Бывает такое. – Еще не договорив, я поняла, что сморозила глупость.

Панов гневно сверкнул глазами.

– Пятый день забывает? Нет, вы не понимаете! Альбина никогда не допускала никаких перебоев со связью! Ее телефон всегда заряжен и всегда включен!

– Она любит поболтать?

– Я бы не сказал. Альбина – женщина экономная и на пустые разговоры деньги тратить не будет. Но она очень организованная и любит порядок. Телефон – это средство связи, значит, связь должна быть всегда. И то, что я не могу дозвониться, это... это неправильно. И меня это беспокоит.

– Может, она дома? Заболела, например? Вы не пробовали домой к ней заглянуть?

– А как вы думаете? Конечно, пробовал! И в субботу заходил, и в воскресенье, и вчера... никаких следов! Я вчера и на работе у нее был, хотел узнать хоть что-нибудь, но меня не пустили. Там такой мордovorот в охране, не человек, а корабельная сосна! Ростом до потолка, мозгов не больше, чем

у деревяшки. Уперся, как шлагбаум, пропускная система у них, хоть умри! Но он сам позвонил Альбине в отдел, и там сказали, что она на работе не появлялась. А в пятницу была, но только до обеда. Что это может означать, по-вашему?

По-моему, это могло означать все что угодно, и Александр Сергеевич с Гошкой явно разделяли мое мнение. Панов, судя по тому, как он нервно смял в кулаке очередную сигарету, тоже это почувствовал.

– Но ведь вы найдете Альбину, правда? Вы сумеете ее найти?

– Постараемся. Хотя пока я никакого криминала в ситуации не вижу. Мало ли по какой причине женщина не пошла на работу? Да и с телефоном тоже... Сторожева – взрослый человек, и, как я понял, никаких обязательств перед вами у нее нет. Она имеет полное право не отчитываться, где она находится и чем занимается.

– Вот-вот, мне и в полиции так сказали, – горько откликнулся Панов. – Про то, что Альбина совершеннолетняя и может находиться где хочет, не ставя меня в известность. И что они по поиску пропавших принимают заявления только от близких родственников. А если у Альбины в городе и родственников нет, что теперь, и не искать ее совсем?

– А их нет? Родственников?

– Откуда мне знать? Я ничего такого от нее не слышал. Сама она откуда-то из района, и родители у нее там... приехала после школы, поступила в университет. Потом хотела

отправиться Москву покорять, но родители отсоветовали, да и самой страшновато стало. Родители ей квартиру купили, у нас хоть и не столица, но устроиться можно неплохо и карьеру сделать...

Очень интересные рассуждения. Это что же получается. с университетским дипломом место мелкого клерка при оргтехнике в фирме по выпуску дисков – это неплохая карьера? Хотя люди по-разному смотрят на возможности, которые дает высшее образование. Одна моя знакомая после политехнического института устроилась в салон продажи сотовых телефонов и была очень довольна.

– А кто Сторожева по специальности? – Очевидно, мысли шефа были схожи с моими. – Какой факультет она закончила?

– Я точно не помню, – снова замялся Панов. – Может, филологический? Во всяком случае, что-то гуманитарное. С математикой, да и вообще со всякой техникой у нее отношения сложные. Но какое это сейчас имеет значение? Вы только найдите Альбину, я на все готов! Деньги значения не имеют! – Он запнулся и уточнил: – То есть в разумных пределах, конечно.

– И каковы эти разумные пределы? – бестактно заинтересовался Гошка.

– Ну-у. – Клиент немного смутился. – Я, конечно, человек обеспеченный, но до Абрамовича мне далеко. К затратам я готов, но они не должны выходить за пределы здравого

СМЫСЛА.

– Дело не в деньгах. – Шеф бросил на Гошку короткий, но оч-чень строгий взгляд. – Я не сомневаюсь, что вы найдете наши расценки вполне разумными. Но нам потребуется информация, много информации: все, что вы знаете об Альбине Сторожевой. Даже то, что вам не очень хочется рассказывать.

– Но почему... я и так... – растерянно забормотал Панов. – Я ведь уже все рассказал, разве нет? То есть я, конечно, готов, я же понимаю...

– Вот и хорошо. Теперь скажите: вероятность несчастного случая вы уже исключили?

– Что?

– Морги, больницы обзвонили, проверили? Все ведь под Богом ходим, мало ли? Может, Сторожева в ДТП попала?

– Нет, я ничего такого... – Панов побледнел и громко сглотнул. – Я не успел... в смысле, я подумал... понимаете, мне кажется, будет лучше, если это сделаете вы.

Мы с Гошкой переглянулись. Странный все-таки человек этот Панов. Казалось бы, если исчезла любимая женщина и ты волнуешься, то самое первое, что нужно сделать, – это обзвонить больницы! Пусть не морги, ладно, звонок в морг – это для людей с более крепкой нервной системой, чем у Валерия Геннадьевича, но больницы-то!

– Хорошо. – Шефу тоже не удалось скрыть нотку удивления в голосе, но комментировать причуды клиента вслух он

не стал. – Фотографию Сторожевой вы, я надеюсь, принесли? Номер ее телефона, адрес, личные данные?

– Да-да, конечно, я все приготовил, сейчас. – Панов суетливо зашарил по карманам. – Вот, пожалуйста, это фотография, маленькая, правда, на паспорт, но другой я не нашел. А здесь вот номер ее телефона, адрес, адрес и телефон этой фирмы, «Хит сезона»... и вот тут я на всякий случай адрес ее электронной почты написал... вроде бы все, как вы думаете?

– Нужен список ее друзей и знакомых, с адресами и телефонами. Нам придется со всеми ними поговорить.

– Но это не совсем... то есть я никого не знаю. Мы не афишировали наши отношения, встречались в основном дома – у меня или у нее. Альбина упоминала изредка каких-то подруг, но ни с одной из них я не знаком.

– Жаль. – Шеф забрал исписанный неровными строчками лист бумаги и маленькую фотографию пропавшей женщины. – Ладно, пока хватит этого. Еще нам надо осмотреть квартиру Сторожевой. Вы говорили, что заходили туда, значит, ключи у вас есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.